

УДК 821.161.1(091)»19»

UDC

DOI: 10.17223/23451734/3/4

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ В. ШАРОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»: ДИАЛОГ С ГОГОЛЕМ

В.Ю. Баль

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: ver_bal@mail.ru

Авторское резюме

В центре внимания статьи находится писательский диалог В. Шарова с Н.В. Гоголем. Материалом для исследования является роман В. Шарова «Возвращения в Египет» (2013), который повествует об истории рода Гоголей в XX в. и о судьбе тезки великого писателя, стремящегося исполнить предназначение рода и дописать поэму «Мертвые души». Шарову Гоголь интересен как писатель, который настойчиво подчеркивал свою исключительную миссионерскую роль для национальной истории, так как стремился явить в целом ряде своих произведений путь к национальному возрождению и суть уникального исторического предназначения России. Роман В. Шарова, являющий продолжение поэмы «Мертвые души», связан с сотворением альтернативной версии национальной истории. В представленной исторической альтернативе изображен особый взгляд на духовный путь нации к революционным событиям начала XX в. Показанная в романе корреляция сюжета исхода из Священной истории и сюжета поэмы, связанного с дальнейшей судьбой Чичикова, обуславливает выдвигание образа Небесного Иерусалима на первый план. Через образ Небесного Иерусалима в романе смыкается комплекс идей революционных преобразований и гоголевских установок в поздний период творчества. Столкновение в романе двух версий Небесного Иерусалима социально-утопической и нравственно-религиозной выявляет оправданность диалога с Гоголем в пространстве современной прозы, ориентированной на поиск основ национальной идентичности.

Ключевые слова: В. Шаров, Н.В. Гоголь.

THE IDEA OF NATIONAL REVIVAL IN *RETURN TO EGYPT* BY V. SHAROV: A DIALOGUE WITH GOGOL

V.Y. Bal

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: ver_bal@mail.ru

Abstract

The focus of the article is a writer's dialogue between Vladimir Sharov N.V. Gogol. The material of the study is a novel "Return to Egypt" (2013) by V. Sharov, which tells the story about Gogol's kind in 20th century and the fate of the namesake of the great writer, seeking to fulfill the purpose of the genus and finish the poem "Dead Souls". V. Sharov is interested in Gogol as a writer who strongly emphasized his exceptional missionary role in the nation's history as far as sought to reveal in a number of his works the path to national revival and the essence unique historical destiny of Russia. Novel by Sharov, manifesting the continuation of the poem "Dead Souls", is associated with the creation of alternative version of national history. In the present historical alternatives particular view of the nation's spiritual path to the revolutionary events beginning of 20th century is shown. The novel shows the correlation of the story of the exodus from sacred history and the story of the poem associated with the subsequent fate of Chichikov, causes extension of the image of the New Jerusalem to the fore. A set of ideas and revolutionary changes Gogol plants in the late period of creativity merges in the novel through the image of the heavenly Jerusalem. The collision in the novel of two versions of the heavenly Jerusalem, and socio-utopian moral and religious justification reveals the dialogue with Gogol in space of contemporary prose-oriented search bases national identity.

Keywords: V. Sharov, N.V. Gogol.

В современном литературном процессе писатель Владимир Шаров занимает особое место. Своеобразие определяется крайне противоречивыми и даже порой полярными отзывами критиков о его романном творчестве. Безусловно, есть комплиментарные отзывы, определяющие его как интеллектуального писателя, но есть и негативные, крайне отрицательные, принадлежащие И. Роднянской, М.С. Ремизовой, В. Курбатову. «Упреки» этих критиков в адрес Шарова схожи: они обвиняют его в кощунстве, в недопустимом

игровом произволе по отношению к истории, богохульстве и богоборчестве.

Все романное творчество Шарова на сегодняшний день формирует своеобразный единый текст, сосредоточенный на осмыслении историсофских проблем национального бытия. Все романы В. Шарова объединяет, во-первых, особый историсофский метод: прочтение событий национальной истории как варианта Священной истории; во-вторых, сосредоточенность на событиях революции и Гражданской войны, их причинах и последствиях.

Роман «Возвращение в Египет», опубликованный в 2013 г., при всей схожести на предыдущие романы является откровенно гоголевским. Основу романа составляет семейная переписка представителей рода Гоголей, потомков классика в XX в. Роман имеет как жанровое уточнение – «роман в письмах», так и подзаголовок «Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)». Центральной фигурой переписки является Коля, тезка классика, а его респонденты в основном его двоюродные и троюродные дяди (дядя Ференц, дядя Петр, дядя Святослав, дядя Януш, дядя Юрий, дядя Артемий, дядя Евгений). Следует подчеркнуть, что все респонденты Коли намного старше его, каждый из них со своим жизненным опытом и сферой профессиональных интересов (гоголевед, историк, юрист, инженер, кардиолог, художник и проч.). Возрастное противопоставление является причиной того, что респонденты выступают как носители уже сформированных взглядов на русскую историю, а Коля представлен именно в процессе формирования своего отношения к национальной истории. Получается, что все респонденты организуют своеобразный хор голосов, не противореча друг другу, а наоборот, проявляя солидарность в своих рассуждениях, дополняют друг друга в размышлениях о национальной истории и об особом предназначении гоголевского рода.

Переписка представлена как семейный архив, она разбита на 25 папок, каждая из которых содержит письма определенного временного отрезка. В целом хронологические границы переписки находятся в промежутке начиная с 1931 г. и заканчивая 1968 г. Обрывается переписка из-за смерти респондентов, сам же Коля умирает в 1993 г.

Вся переписка Гоголей, представленная в романе, – это некий текстовый монолит, который обнажает постепенное развертывание идей о логике развития национальной истории. Главным стержнем,

определяющим логику идейно-смыслового наращивания материала, является, с одной стороны, прочтение Шаровым базового национального мифа об исключительности России, об уникальности ее исторического предназначения через призму ветхозаветного сюжета исхода, с другой стороны, особой роли Гоголя, его творчества в структуре этого мифа.

Представители родового гнезда Гоголей не просто относятся с особым трепетом и почитанием к таланту и творческому наследию писателя, но также преданы идее о том, что род должен исполнить свое предназначение и дописать поэму «Мертвые души», имеющую судьбоносное значение для русской истории: «Мама называет “Мертвые души” недоговоренным, недосказанным откровением. Гоголь замолчал на полуслове, оттого и пошли все беды. Говорит, что пока кто-то из нас не допишет поэмы, они не кончатся» (Шаров 2013: 76).

Идеей дописания поэмы воодушевлены все представители рода Гоголей, но главная ответственность лежит на тезке классика Коле. Именно поэтому можно выделить два сюжетно-смысловых пласта в переписке.

Первый связан со всеми респондентами, которые выполняют роль своеобразных наставников и покровителей Коли, расширяя его горизонты понимания и восприятия не только гоголевского творчества, но и национальной истории. Второй связан уже с Колиными жизненными перипетиями и духовным становлением.

Обратимся к каждому из слоев. Краеугольным в переписке гоголей является вопрос о национальном возрождении, который тесным образом сопряжен с размышлениями о «русской идее», определяющей особое историческое призвание. Актуализация темы национального возрождения в романе обусловлена прежде всего констатацией героями факта исторического тупика, который с очевидной наглядностью проявился после разочарования в идее построения социального рая. Трагедия национальной истории, связанная с событиями революции и Гражданской войны, осмысливается как национальная катастрофа, которую можно было избежать, если бы была дописана Гоголем поэма «Мертвые души». Именно поэтому фигура Гоголя в размышлениях потомков представлена во всей сложности и противоречивости его писательского дарования. Гоголь как писатель, который впервые в русской литературе поставил для себя задачу постигнуть тайну национальной жизни и определить историческое призвание русского государства, потомками воспринимается как злой гений.

Во-первых, осуждается то направление, тот пафос творчества, который ввел Гоголь в русскую литературу. Зияющая пустота в русской словесности, которая осталась после недописанной поэмы, обусловила появление художественных творений с ярко выраженными утопическими и идеологическими настроениями. Место, предназначенное для авторов пророческого дарования, заняли далеко не истинные пророки:

«В любом случае неудача Гоголя со второй и третьей частью “Мертвых душ” дала нашей литературе и нашему воображению больше, чем “Шинель”. Не умея написать Небесного Иерусалима, Гоголь пятнадцать лет бился в глухую стену, а когда понял, что дороги в рай не знает, умер от отчаяния. <...> Это был приговор не только лично ему, но и всей нашей вере, смириться с ним никто не мог. Дальше, начиная со снов Веры Павловны, бесконечной чередой идут пророки, которые говорят, что знают дорогу в Светлое царство и какое оно на деле. Споря между собой, обзывая друг друга оппортунистами, ренегатами, соглашателями, даже агентами фараона, они путают нас, окончательно сбивают с толку. И так до семнадцатого года» (Шаров 2013: 229–230).

Во-вторых, отмечаются уникальные черты поэтики Гоголя, которые во многом и стали причиной разрушительной силы его таланта. Потомками осуждается особой природы «духовный вывих» писателя, который при всей своей писательской устремленности к изображению «идеального» остался художником не просто «образов зла», а вечного противостояния между добром и злом: «Территория, где сходятся жизнь и смерть... где то ли грех из последних сил борется с праведностью, то ли праведность с грехом, в общем оба изнемогли и уже не ждут, когда пропоет первый петух» (Шаров 2013: 79).

В рассуждениях о юморе классика потомки подчеркивают его связь с лукавством писателя, который заслонил смехом истинное зло в художественном откровении: «Гоголь играл словами, святая святых, на алтаре мешал Божественное с тварным, оттого все и посыпалось <...> как с этим жить, никто не знал. Чтобы отделить чистое от нечистого, заново освятить жертвенник, ушло много лет и много крови» (Шаров 2013: 96).

В-третьих, особый критике подвергается несостоявшаяся роль спасителя, которую пытался примерить на себя Гоголь. При этом используется едкое слово «пересмешник» при осмыслении того направления жизненного пути, который выбрал для себя Гоголь в

последние годы: «Строил все так, чтобы каждый уверовал, не усомнился даже он сам. Не забыл и главного, т. е. финала, знал, что из этой роли ему уже не выйти. Неважно, хорошо играешь или плохо, похож на сына Божьего или нет, все равно что званые, что избранные не успокоятся, доведут дело до могилы. А дальше будут стоять и ждать, стоять и спорить, воскреснешь ты или нет» (Шаров 2013: 96).

Порой делается акцент именно на театральности этого жизненно-го этапа писателя, тем самым подчеркивается недобросовестность исполнения выбранной роли, которая была подобна злой шутке над теми, кто возлагал на него надежды. Иногда даже в рассуждениях об этой особенности есть намеки на самозванство Гоголя: «Мы всегда пугались его совершенно театральной изменчивости. Прямо на глазах публики он с ловкостью фокусника жонглировал масками, одну за другой нахлобучивал на себя, снимал, но и после конца представления никто не имел понятия о его настоящем лице. Даже не мог сказать, было ли оно вообще. То он глумился над Россией, как раньше не смел никто; читая его, мы болели, затем начинали принимать, что в том, что он пишет, много правды, уже готовы засучить рукава, чтобы исправить неприглядное, постыдное, привести отечество, так сказать в божеский вид, – и тут он вдруг объявлял, что речь в “Ревизоре”, что в “Мертвых душах” идет не о России, а о его собственной измученной, мятущейся душе. И снова никто ничего не понимал» (Шаров 2013: 110).

В-четвертых, в вину Гоголю ставится то, что он скомпрометировал русское дворянство в своих произведениях. А это, по мнению его потомков, предвосхитило все дальнейшие революционные перевороты: «Если Гоголь, выставляя на свет божий пороки, думал об исправлении дворянства, то Николай I, желал скомпрометировать сословие, лишить его веры в себя. Когда решался вопрос о постановке “Ревизора” и печатании поэмы, интересы обоих совпали, но сколько бы Гоголь себя не обманывал, его просто использовали. Уже не при Николае, а его приемниках царская власть сначала торжествовала победу, а затем рухнула. К ее падению дворянство отнеслось равнодушно. В феврале 17-го года Николая II не поддержал никто, да и в белом движении монархисты были в меньшинстве. Разделившееся царство не устоит. Гибель династии, как изгнание дворянства, – единственный эпилог раздрая» (Шаров 2013: 419–429).

Свершившийся факт подрыва доверия к дворянству стал причиной несостоявшейся гоголевской революции. Потомки допускают совер-

шенно неожиданную мысль, что революция могла состояться и раньше в России, главным пророком и глашатаем которой мог стать сам Гоголь. Эта идея нашла отражение в семейных постановках комедии «Ревизор» в начале XX в., накануне революционного переворота. Постановки отмечены «как иронический и отчасти кощунственный парафраз библейского Исхода» (Шаров 2013: 120–121). Через ключевые образы-символы в постановках актуализируются как тема избранного народа, который таит в себе тайную угрозу самозванства, так и тема пророка как истинного, так и ложного. Понятно, что Хлестаков является воплощением ложного пророка, которого, идя по легкому пути, выбирают жители города N, а истинный пророк – это настоящий Ревизор, следование за которым требует определенного духовного мужества и смелости. В логике рассуждений семейного режиссера Гоголь представлен как революционер, стремившийся через революционные преобразования законов сцены, природы драматургического текста, актерской игры совершить слом эпох, провести водораздел между старым миром, где люди погрязли в пагубных страстях и в грехах, и новым праведным миром, будущим Небесным Иерусалимом. Иными словами, в трактовке режиссера в своей революционности Гоголь выступает как пророк, которому не удалось увести за собой народ к новой вере и новой жизни.

Вполне очевидно, что эта постановка является пророческой: при ее сценическом воплощении были намечены возможные последствия грядущей социальной катастрофы. Конечно, знак равенства между свершившейся революцией и той революцией, которую мог бы осуществить Гоголь, потомки не ставят: идейное содержание каждой из них совершенно разное. Но неосуществление в свое время гоголевского духовного переворота в душах современников стало причиной того, что наступил момент, когда «революция была неизбежна, потому что не соблазниться, не встать, не пойти проверить то, что она обещала, однажды сделалось невозможно» (Шаров 2013: 595). Идея гоголевской революции, обнаруженная потомками в комедии «Ревизор», требовала предельной активизации духовных сил для борьбы с греховным началом, максимального мужества. А большевистская революция пошла по совершенно иному пути, «окончательно установив, что корень человеческого греха в несовершенстве мира. В таком его устройстве, что человек, сколько ни бейся, спастись не может» (Шаров 2013: 604). Революция Гоголя в свое время была рассчитана на сильного духом человека, а корнем

революции большевиков стала слабость человека, убеждение «что каким создан, он бессилён противостоять злу. Революция есть восстание слабого человека против творца своей слабости» (Шаров 2013: 600). Тем самым в рассуждениях Гоголей настойчиво подчеркивается мысль о том, что свершившаяся в России «Революция – это дело рук оставленных Богом, забытых Им» (Шаров 2013: 601). Исходя из этого, есть все основания говорить о том, что потомки классика говорят о свершении революции в 1917 г. под знаком подмены и обмана, иона имеет ярко выраженный антигоголевский пафос.

Таким образом, в переписке Гоголей формируется крайне противоречивый образ классика. С одной стороны, подчеркивается его чуткость к механизмам организации хаоса национальной жизни, требующей в определенные моменты пророка, который укрепит веру в национальную исключительность и укажет путь национального развития, но с другой стороны, обнаруживается на примере его собственной судьбы как несостоятельность реализовать пророческое призвание, так и неготовность ожидающих пророка отличить истинного от ложного. Но парадоксальным образом при всех обвинениях Гоголю бесспорным остается факт его исключительной роли в русском общественном сознании. В переписке Гоголей оформляется мысль о совершенно изошренной богооставленности Гоголя, а след за ним и России, которая хотела видеть в нем пророка: «Гоголь не только не довел дело до Рая, но сжег и Чистилище. Увы, в пламени апокалипсиса погибли и мы, наше нравственное самосовершенствование» (Шаров 2013: 329).

Впитав именно этот пласт сомнений и раздумий о роли Гоголя в национальной истории, Коля пытается исполнить предназначение рода – дописать поэму «Мертвые души». Все эти попытки отражены во втором сюжетно-смысловом уровне романа. Потомок Гоголя является троюродным правнуком писателя. Он дитя революционных лет, который был зачат по законам Гражданской войны. В его биографии был отец, служивший в НКВД, но несмотря на это, не избежавший ареста и пребывания в лагере, в студенчестве было отречение от него, далее учеба в Петровской академии сельского хозяйства и работа корреспондентом в сельской газете, затем арест за антисоветскую агитацию и 10 лет лагерей, после этого возвращение из лагеря и поездка вслед за отцом в Казахстан, а там духовное приобщение к секте бегунов. Последние годы жизни – это самозабвенное служение идеалам бегунов и искупление грехов человеческих. Финал

жизни – это смерть в полном одиночестве и изоляции от мира и людей. Вполне очевидно, что эпизод с написанием продолжения поэмы «Мертвые души» занимает совершенно особое место в судьбе Коли. Он в силу своей исключительности «выламывается» из всей череды жизненных событий. «Выламывание» прежде всего связано с тем, что «Синописис», который содержит продолжение поэмы «Мертвые души», выступает своеобразным мостом между двумя веками в судьбе героя: до ареста и после лагеря. Тем самым в нем происходит смыкание личного и национально-исторического опыта: «Все-таки прошло пятнадцать лет, за это время много чего в моей жизни случилось, как одно ляжет на другое, не знаю. <...> Конечно, к “Мертвым душам” я уже не вернусь, но все же, чтобы с самим собой разобраться, мне было бы важно одни двадцать лет склеить с другими пятнадцатью. “Синописис” попал как раз на разрыв, а сейчас я думаю, что что-то он и мог бы зарастить» (Шаров 2013: 221).

Период до лагеря, отраженный в переписке с 1937 по 1940 г., – это четкое следование завету матери о том, что он должен исполнить предназначение рода и дописать поэму. Не случайно папки, в которых хранятся эти письма, названы «детскими», тем самым подчеркивается, что этот период был ученический во всех смыслах: в силу возраста, неготового к истинно гоголевскому масштабу ответственности, отсюда сомнения и желание отказаться, в силу наивно идеалистического отношения к событиям, происходящим в стране, настоящие испытания, которые произведут слом, еще впереди, в силу незнания всей тайны гоголевского творчества, поэтому «чтение его с карандашом» и попутно знакомство с трудами тех, кто писал о нем.

Жизненный период, отраженный в детских папках, отличает жизнестроительство с опорой на гоголевский текст, причем не на весь пласт творчества, а именно на сохранившиеся фрагменты второй части поэмы «Мертвые души», где «бал правит умный распорядительный помещик. Земля у него родит, вдобавок заведены всяческие промыслы. Так что денег полный кошель и крестьяне живут на зависть» (Шаров 2013: 87). В силу того, что будущее России потомку Гоголя мыслится именно через использование ее аграрного потенциала, он решает поступать в Петровскую академию сельского хозяйства. Он стремится получить знания о многопольном севообороте, о правильном соотношении пахотных земель и лугов и прочего: «без современного земледелия и без всего, что касается самых разных

сельских промыслов понять, как Николай Васильевич представлял себе будущее помещичьего хозяйства, следовательно, и будущее России, невозможно» (Шаров 2013: 100).

Случившаяся далее поездка в колхоз «Светлый путь» для работы агрономом также имеет гоголевскую мотивировку. Во-первых, «появилась возможность во все вникнуть, как пытался Николай Васильевич, когда писал вторую часть поэмы, и заняться делом, как пытались те, кого он в ней вывел» (Шаров 2013: 190-191). Во-вторых, как считает потомок классика, именно в эти места, где находится колхоз, Чичиков вывел бы купленные души: «у Николая Васильевича говорится о Новороссии, но ко времени окончания первой части поэмы земли давали уже не на Херсонщине, а снова в Заволжье» (Шаров 2013: 189). В-третьих, тот соблазн, который овладел Колей, «попробовать привести эту землю, так сказать, в божеский вид» (Шаров 2013: 190), имеет также гоголевские корни. Вспомним пламенную речь Костанжогло в сохранившихся отрывках второй части поэмы: «Надобно иметь любовь к труду; без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, поверьте, это вовсе нескучно. <...> Как царь в день торжественного венчанья своего сиял он. – Да в целом мире не отыщите вы подобного наслаждения! Здесь, именно здесь подражает богу человек: бог предоставил себе дело творенья, как высшее наслаждение, и требует от человека также, чтобы он был творцом благоденствия и стройного течения дел» (Гоголь 1951: 274).

Далеко не случайным является также место, где расположен колхоз «Светлый путь», в представлении Коли – это «Земля обетованная, где то и дело проклевывается будто рассада, пытается взойти Новый Иерусалим» (Шаров 2013: 190). Подобные выводы он делает, основываясь на следующих фактах: «это и район колонистов: немцев-евангелистов, штундистов и прочих <...> здесь были и главные монастыри староверов <...> по соседству с нами полувеком позже были основаны и несколько колоний толстовцев» (Шаров 2013: 189). В этих установках героя начинает оформляться модель построения Небесного Иерусалима на пересечении аграрных преобразований и религиозных устремлений. Юношеский энтузиазм Коли, основанный на идеалистической установке великого предка, направить свои жизненные силы и знания на воплощение мечты о Небесном Иерусалиме, сталкивается с реальным положением дел в советских колхозах. Положением дел, ставших прямым следствием нерацио-

нальных преобразований советской власти, которая, с одной стороны, уничтожила и истребила «крепких» и «справых» хозяев, объявив их кулаками, а с другой стороны, отправила десятки тысяч горожан, не владеющих нужными знаниями, командовать сельским хозяйством. Обнаружение потомком классика ада хозяйственно-экономической жизни страны становится причиной отказа создавать поэму «Мертвые души» на советском материале, как было задумано изначально. Этот отказ выступает неким символом сурового приговора советской действительности, в которой произошел разрыв происходящих преобразований с духовными основами жизни нации.

Любопытно в этом отношении сравнить эпизод, произошедший с Колей во время заключения. Его как агронома направляют возделывать клочок земли, примыкающей к лагерю, чтобы спасти от голода заключенных. Сам Коля воспринимает этот эпизод символически: «Земля, которой я еще не успел сделать ничего хорошего, только вознамерился помочь, обо мне вспомнила» (Шаров 2013: 192). А результат является для него прямым тому подтверждением: «И люди у нас жили, тянулись из последних сил, некоторых даже удавалось поставить на ноги. В любом случае зэки с других зон кистицынскую считали за Землю Обетованную» (Шаров 2013: 194).

Возможность обретения Земли обетованной в пространстве ада тюремного заключения усиливает в сознании потомка Гоголя смысловое звучание образа Небесного Иерусалима как ключевого в создаваемом продолжении поэмы «Мертвые души». Случившаяся трансформация творческого замысла от «колхозной» утопии на советском материале до идеи построения Небесного Иерусалима силами Чичикова в период, предшествующий событиям коренных революционных преобразований, определяет принципы альтернативной версии национальной истории, представленной в романе.

В Колином «Синописе» поэмы «Мертвые души» представлено описание событий российской истории с 1830-х до 1870-х гг. Охваченный период рассматривается как судьбоносный на том основании, что в это время было сделано многое для восстановления величия древлеправославной епархии, начиная с учреждения старообрядческой епископской кафедры за пределами России и закачивая учреждением Белокриницкой Епархии. Предельная концентрация именно на этих событиях делает акцент на восстановлении духовных основ жизни нации. Потомок Гоголя представ-

ляет Чичикова как последователя старообрядческой веры, который направил все свои силы на восстановление древлеправославной церкви. Писательская установка Шарова прочтения русской истории через призму Священной истории обуславливает изображение Чичикова также как пророка, подобного Моисею, берущего на себя великую миссию служения идее обретения для своего народа Земли Обетованной, на которой можно воздвигнуть Небесный Иерусалим. Вся деятельность Чичикова, вписанная с исторической достоверностью в контекст старообрядческого движения, выступает своеобразным комментарием к Священному писанию. У Коли изгнание старообрядцев и их вынужденное скитание после раскола и сохранение чистоты своей веры в условиях физического и духовного угнетения соотносятся с сюжетом ветхозаветной истории о сынах израилевых, покинувших Египет и заслуживших свою истинную веру, пройдя через страдания и скитания. Староверы в «Синописисе» представлены не иначе как новый избранный народ, весь путь которого с момента раскола русской церкви полон мук и страданий, назначенные им для укрепления их духовной силы. Перед Чичиковым, взявшим на себя роль Моисея, стоит задача не только собрать вокруг себя приверженцев древлеправославной веры и приобщить к ней новых людей, но и найти органическое сопряжение между религиозно-метафизическим воплощением образа Небесного Иерусалима и социальным. Именно в этом пространстве смыслов происходит смыкание старообрядческого движения и революционного, так как они имеют общего врага – царскую власть, которая для старообрядцев подобна власти антихристовой, а для революционеров – главная преграда в построении социально справедливого общества.

Революция, осмысляемая в альтернативной ретроспективе, воспринимается как исторический итог событий, которые случились во время раскола, который ее «подготовил» и «породил». В новой версии жизненного пути Чичикова в его деятельности смыкается религиозное и общественное начало: планируется совместить судьбу Чичикова и Алеши Карамазова, которому по творческой воле Достоевского было суждено выйти из монастырских стен и стать участником революционной группировки: «И вот мне показалось, что оба они, Чичиков и Алеша Карамазов, по всем законам Божеским и человеческим однажды должны сойтись. Это не просто вернет смысл, оправдает те три четверти века русской

истории, когда люди, пережив духовное возрождение, как бы выпали из гнезда привычной жизни» (Шаров 2013: 318). Также на закате своих странствий Чичиков соприкасается с революционной элитой в лице Герцена, Бакунина, Чернышевского, Плеханова и др. В результате общения и вдумчивого погружения Чичикова в комплекс их революционных воззрений назревает идея объединения. Причиной подобного неожиданного союза становится стремление приверженцев истинной веры, старообрядцев, пойти на «любые жертвы», «только бы разрушить до основания это царство зла» (Шаров 2013: 213), источником которого является царская власть, подобная власти египетского фараона.

Принятие в финале «Синописа» Чичиковым идеи Небесного Иерусалима, который «будет возводить человек сам, своими руками, потом и кровью» (Шаров 2013: 312), обнажает случившийся перекося в структуре провиденциалистского мифа об уникальности исторического предназначения России, когда из него была изъята метафизическая основа. Именно через альтернативную версию национальной истории, участником которой стал Чичиков, осязаемое прояснился вечный спор, получивший емкую формулировку у одного из респондентов Коли: «одни говорят, что раз земля наша – Земля Обетованная, а мы – избранный народ, значит, что бы ни делали, все угодно Богу, никто нам не судья. Другие – что мы избраны лишь потому и пока делаем удобное Богу» (Шаров 2013: 213). По сути это допущение у потомка Гоголя Шарова корреспондирует отмеченной потомками разрушительной силе гоголевского таланта, сокрушившего все ценностные иерархии в своем творчестве, которое сыграло не последнюю роль в размышлениях о национальной русской идее.

Таким образом, в романе представлена предельная концентрация на трагической судьбе классика из-за нереализованности неподъемного творческого замысла, в котором предполагалось явить органическое сопряжение социальной утопии и религиозно-философской идеи. Гоголь оказался интересен Шарову как писатель, который был сосредоточен на идее создания заветного произведения, способного явить ключ к национальному возрождению. Обращение Шарова именно к этой стороне гоголевского таланта позволило выявить его роковую роль в формировании основ представлений о национальной исключительности и особом историческом предназначении России.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь 1951 - *Гоголь Н.В.* Мертвые души. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1951. Т. 6. 624 с.

Шаров 2013 - *Шаров В.* Возращение в Египет. М.: АСТ, 2013. 759 с.

REFERENCES

Gogol, N.V. (1951) *Polnoye sobraniye sochineniy*: v 14 t. [Complete Works. In 14 vols]. Moscow.

Sharov, V.A. (2013) *Vozvrashchenie v Egipet* [Return to Egypt]. Moscow: Litres.

Баль Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета

Bal Vera – Ph.D. in Philology, Lecturer of Department of General Lilterary Studies, Publishing and Editing of National Research Tomsk State University.

E-mail: ver_bal@sibmail.com